

Ярослав Кичало

Шаг навстречу

18+

Криминал

Ярослав Кичало

Шаг навстречу

«Автор»

2026

Кичало Я. Я.

Шаг навстречу / Я. Я. Кичало — «Автор», 2026 — (Криминал)

Где заканчивается закон и начинается человечность? На полу квартиры питерской пятиэтажки — труп домашнего тирана. В углу — избитая жена с детьми. Для системы это простое уголовное дело, а для следователя Евгения Головина — личный вызов. На первом же допросе запуганная женщина подписывает себе приговор всего одной фразой. Нарушить присягу ради справедливости или разрушить жизнь матери и двоих детей ради закона и отчёта начальству? Читайте глубокий психологический криминальный рассказ «Шаг навстречу» — историю о бунте одного человека против слепой машины правосудия.

© Кичало Я. Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Шаг навстречу

Глава

Дождь монотонно стучал по жестяному козырьку подъезда типичной пятиэтажки на окраине Санкт-Петербурга. Старший следователь Следственного комитета Евгений Головин заглушил сигарету о перила и вошёл в душный, пропахший сыростью подъезд. На четвёртом этаже уже сустились оперативники, а из-за полуоткрытой двери квартиры 12 доносился тихий, захлёбывающийся детский плач.

Внутри, на старом линолеуме тесной кухни, лицом вверх лежало бездыханное тело грузного мужчины. Из его живота торчала рукоятка дешёвого кухонного ножа. На полу вокруг — кровь, осколки разбитой посуды и перевёрнутый табурет.

В соседней комнате, прижав к себе двух маленьких детей — мальчика на вид трёхлетнего возраста и девочку постарше, — сидела бледная, как мел, женщина. На её лице виднелся синяк, а на тонком запястье — багровые следы от пальцев. Это была Анна, жена убитого Олега.

Евгений смотрел на эту картину, и внутри него привычно включался холодный механизм фиксации: положение тела погибшего, угол наклона рукоятки ножа, брызги крови на обоях. «Обычная бытовуха, не первая за карьеру», — подумал он. Но детский плач, тонкий и безнадежный, ломал эту профессиональную броню. Евгений сам вырос в похожем районе, в такой же панельке, и слишком хорошо помнил тяжёлые шаги отца за дверью и замершую от ужаса мать. Прошло тридцать лет, он надел погоны, но этот страх, как оказалось, никуда не исчез — он просто ждал своего часа в глубине его собственной памяти.

На первом допросе в кабинете следователя в присутствии назначенного ей по закону адвоката Анна сидела на краешке стула, не поднимая глаз. Её руки дрожали так сильно, что она не могла удержать пластиковый стаканчик с водой.

— Расскажите ещё раз, Анна Владимировна. «Подробно», — мягко произнёс Евгений, печатая её показания в протоколе допроса на компьютере. — Нам нужно зафиксировать всё до мельчайших деталей.

— Он пришёл уже пьяный... — тихо начала она, и её голос сорвался. — С порога стал кричать, что я ничтожество. Дети испугались, спрятались в комнате. Олег пошёл за ними, я преградила дорогу на кухне. Он ударил меня по лицу... я упала, ударилась головой об пол. Потом он схватил табурет, поднял его над головой и заорал: «Убью, тварь!». Я испугалась, что он правда убьёт. Нас всех.

Анна судорожно вздохнула, по её щеке покатились слезы.

— На кухонном столе лежал нож. Я схватила его, сама не помню как. Олег с табуретом в руках над головой, шагнул ко мне. И я... я испугалась, что он сейчас ударит. Я сделала шаг навстречу ему и ткнула ножом в живот. Он обмяк и упал... Евгений Сергеевич, я не хотела! Я просто защищала себя и детей! Что теперь со мной будет? Мама у меня старая, в деревне, она детей не потянет... Их в детдом?

Евгений молча смотрел на неё, руки замерли в воздухе над клавиатурой. Внутри следователя в этот момент рушился привычный, выверенный годами мир параграфов и статей.

«Шаг навстречу», — набатом пронеслось в его голове.

Как юрист он хорошо понимал, что эта фраза — её приговор. Шаг навстречу в суде истолкуют не как пассивную оборону, а как умысел. В лучшем случае — превышение пределов самообороны. В худшем — умышленное убийство. Статья 105 или 108 УК РФ. В любом слу-

чае — реальный срок. Изолятор, суд, колония. А двое малышей отправятся в детский дом и станут сиротами при живой матери.

«Закон требует, чтобы я зафиксировал показания слово в слово, — думал Евгений, глядя на подозреваемую. — Закон слеп. Ему плевать, что этот шаг, возможно, был единственной возможностью спасти себя. Если я оформлю всё так, как она говорит, я стану соучастником разрушения этой семьи. Мать — на нарды, детей — в детский дом. И ради чего? Чтобы система поставила галочку в графе "раскрываемость"? Я шёл в органы, чтобы защищать таких, как она, а не добивать после всего пережитого».

Дверь кабинета резко распахнулась без стука. На пороге стоял начальник отдела, полковник юстиции Виктор Николаевич Баринов. Мужчина с тяжёлым взглядом, чей характер был выкован годами жёсткой прокурорской и следственной практики. Он бросил быстрый взгляд на заплаканную Анну и кивнул Евгению:

— Головин, на минуточку. Ко мне.

В кабинете начальника пахло дорогим табаком и коньяком, который Баринов держал для особых гостей. Полковник сел в кресло, нацепил очки и взял со стола дневную сводку происшествий.

— Ну что там у тебя по бытовухе на окраине? — спросил Баринов, не поднимая глаз. — Очередная пьяная поножовщина? Всё очевидно?

— Не совсем, Виктор Николаевич, — осторожно начал Евгений. — Там двое малолетних детей. Погибший — системный домашний тиран и дебошир. Соседи и коллеги из полиции подтверждают, что на учёте стоял. Женщина защищалась. На лице синяки, на руках гематомы.

Баринов медленно снял очки и посмотрел на Евгения взглядом, от которого у молодых следователей обычно холодело в груди.

— Женя, ты мне эти сопли брось, — жёстко отрезал начальник. — Мы не служба социальной опеки, мы Следственный комитет. Мне плевать, каким он был мерзавцем. Труп есть? Есть. Орудие преступления было у неё в руках? У неё. Она признаёт, что ударила?

— Признаёт. Но говорит, что он шёл на неё с табуретом в руках над головой и угрозой убить...

— Отлично. Оформляй превышение, а лучше чистую 105-ю через прокурора протащим, чтобы в суде не развалилось, — Баринов постучал пальцем по столу. — И не вздумай мне там самодеятельность разводить с «необходимой обороной». Мне до конца месяца нужно закрыть три дела по тяжким, у нас показатели горят. Чтобы через несколько дней обвинение было предъявлено, и бумага для суда на арест лежала у меня. Свободен.

Евгений вышел из кабинета шефа с глухим стуком в висках. Система требовала «палку» в отчёт. Баринову нужна была статистика, а не спасённая судьба матери и двоих детей.

«Для него это просто тома уголовного дела, которые нужно передать в суд, — с горечью размышлял Евгений, шагая по коридору. — Его не волнует, что будет с этими детьми. Он видит цифры, графики, квартальные премии. А я вижу живых людей. Моя мать так же стояла перед отцом, и никто не пришёл ей на помощь. Если я сейчас промолчу, я предам не просто эту женщину. Я предам того маленького мальчика, которым был сам, мечтая, что когда-нибудь вырасту и смогу это остановить». Внутри следователя закипал бунт. Человечность внутри него кричала, заглушая голос холодного профессионализма. Он принял решение.

На следующий день Евгений проверил рапорты участкового и ознакомился в полиции с материалами проверок. Картина оказалась предельно ясной. Олег месяцами терроризировал семью, избивал жену и детей. Полицию вызывали регулярно, но уголовные дела не возбуждали

— Анна каждый раз забирала свои заявления, вероятно, запуганная мужем и пытаясь сохранить семью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.